

Ольга Ковлакова

«Эх, яблочко, да куда котишься?»

В октябре 2022 г. на сцене Театра драмы РК «Творческая мастерская» (Петрозаводск) прошла премьера спектакля «Дунькино счастье» – визуального, коллажно-плакатного. Режиссер Искандер Сакаев определил жанр как сказ-позорище, а еще отметил, что это ответ его же спектаклю «Наводнение» по Евгению Замятину, поставленному в родном театре «Левендаль» (СПб.).

Е. Димитрова – Дунька. «Дунькино счастье».
Театр драмы РК «Творческая мастерская». Фото М. Никитина

Получается, что история эта для режиссера неслучайная, она – продолжение процесса идентификации времени, языка, образности. «Наводнение» и «Дунькино счастье» играют в одно действие и оба выполнены по инсценировкам малой прозы. Но есть важные отличия: первый спектакль – история петроградская, второй не связан с конкретным местом; один – о жестокости и мороке от любви, другой – от ее отсутствия.

Искандер Сакаев – режиссер, автор инсценировки, пластической партитуры и музыкального оформления – работая с рассказом забытого писателя Глеба Алексева (Черноцкого), создает именно инсценировку прозаического текста. У Алексева действие происходит в 1920-е гг. – в то время, когда каждый человек вынужден был встраиваться в стремительно меняющийся, сбивающий все моральные ориентиры мир. На общем фоне прогресса разница между жизнью в городе и жизнью в деревне на сей день, пожалуй, только увеличилась, а желание любой Наташки или Дуньки обрести счастье осталось неизменным. Поэтому даже через сто лет история Дуньки остается актуальной.

В спектакле органично присутствует дух биомеханики. Но не прямыми пластическими «цитатами», а общим устройством пространства как сценического тренажера, помогающего актерам четко организовывать действие, не мешающее яркости и ясности жеста,

Е. Димитрова – Дунька, Н. Белошицкий – Мишенька,
Е. Верещагина – Поповна. «Дунькино счастье».
Театр драмы РК «Творческая мастерская». Фото М. Никитина

поддерживающего номерную структуру происходящего: четыре стула, скамья, контуры проемов, обрамленные простыми желтыми лампочками, коллажный занавес. Световые пушки тоже обыгрываются: монологи героев иногда происходят в луче, который они сами направляют на себя, создавая иллюзию немого кино или напоминая легендарный плакат с Лилей Брик. Дополнительный привет 1920-м – спектакль-агитка с лозунгами, еще и «спектакль в чемодане» – то есть такой, который может легко путешествовать по разным сценическим площадкам.

Приемы циркизации и кинофикации сочинены режиссером под аутентичные шлягеры времен нэпа. Световая партитура простая: сцена то ярко освещается, то затемняется (сценография, свет, видео – Наталья Кузнецова). Такое решение помогает кадрировать происходящее и менять атмосферу пространства с публичной на интимную.

Художник Ника Велегжанинова – признанный мастер создания удобных и легко трансформирующихся сценических костюмов с деталями, подкрепляющими острую характерность героев. В ярких, как лоскутное одеяло, одеждах коллаж 1920-х переключается и с современной модой, и с балаганом совсем далеких времен.

Начинается спектакль сценой рождения. От вертикально поднятой скамьи, под крик новорожденного, отделяется ладная фигурка Дуньки

Г. Пелевина – Девочка. «Дунькино счастье».
Театр драмы РК «Творческая мастерская». Фото М. Никитина

и она начинает «сказ-позорище» о своей жизни. Елена Димитрова – актриса красивая, обаятельная, и зрителю понятно, почему у ее простушки-героини получается всех использовать. Приютившие Дуньку Артист и Поповна видят в ней чистоту, простодушие, «народность», но не замечают ее хитрости и расчетливости. Используя их наивность, Дунька стремительно осваивает стратегию выживания в новых обстоятельствах. Искандер Сакаев говорит: «В ней есть всё – и высокое, и низкое, и черное, и светлое, и красное. Она как народ». Дунька и сама про себя все понимает, помнит, что была хорошая и даже прекрасная в детстве и ранней молодости. Но она ставит себе цель вырваться из деревни, не повторить судьбу матери и идет к этой цели, цепко используя любые возможности. Как только подворачивается случай, девушка легко, словно танцуя кадрили, берет на вооружение слабости других и неумолимо продвигается к исполнению своих желаний: «хоть кофий пей, хоть Андрюшку из деревни выпишь». Простая деревенская девочка оказывается неплохим психологом, Поповна ей «как на ладони видна», и Дунька умело ставит городскую модницу перед фактом – без предупреждения приезжает к ней в город и остается жить. Одновременно забавная и страшная Дунька воспринимается как героиня фарса, которая долго взбирается на трон из стульев, а потом снова сваливается

Эскизы Н. Вележжаниновой к спектаклю «Дунькино счастье». Театр драмы РК «Творческая мастерская»

на лавку. Вот такой объемный персонаж воплощает на сцене молодая и талантливая актриса Елена Димитрова. Это ее первая главная роль в «Творческой мастерской».

Актриса Галина Пелевина играет несколько ролей – Мать со скрюченными от работы руками, воодушевленно-тупую Председательшу и испуганную Девочку, погибающую от позднего аборта. Очень помог актрисе создать образ Девочки костюм, включающий в себя тряпичную куклу на груди. Эта деталь усиливает ощущение беспомощности и трогательности персонажа. Пелевина виртуозно меняет маски, опираясь на голосовые и пластические характеристики героев, сохраняя остроту и тонкость в каждой партитуре.

Поповна, героиня актрисы Евгении Верещагиной – манерная дама, внешность которой отсылает нас к «незнакомкам» Серебряного века.

Сбежавшая из семьи «спасителя душ» в частную акушерскую практику, зарабатывает Поповна подпольными абортами на дому, т.е. «убийством душ». Собственная бездетность мучает ее гораздо больше, чем измена мужа. Возможно, это одна из причин выбора *такого* заработка. Евгения Верещагина играет человека, понимающего, что занимается страшным ремеслом, ищущего забвения в кокаине. Актрисе удастся порой вызвать сострадание, как к женщине «не от мира сего», не только рожденной Серебряным веком, но внутренне в нем

«Дунькино счастье». Театр драмы РК «Творческая мастерская».
Сцена из спектакля. Фото М. Никитина

оставшейся. Истинная пролетарка Дуня вместе с Банщиком и Председательшей отправляют хозяйку жилплощади в тюрьму, не понимая и не принимая ее и не испытывая ни малейшего к ней сочувствия. Костюм Поповны – «домино» и чалма с перьями – меняются на тюремный балахон, но даже в этих обстоятельствах она сохраняет изысканность и томность.

Спектакль можно назвать бенефисным для Николая Белошицкого, он играет все мужские роли: безобразно пьяный отец, первый парень на деревне Андрюшка, безвольный актер Мишенька («не то Вертинский, не то Мозжухин»), «дамский угодник» и «живая мочалка» интриган Банщик. Незначительные манипуляции с костюмом сопровождаются резкой сменой психофизики актера. Спектакль летит в быстром темпе, и от актера требуется невероятная внутренняя подвижность и физическая выносливость. Учитывая лакуны для импровизации, процесс исследования своей актерской природы в рамках одного спектакля у Белошицкого можно считать бесконечным. На нем лежит огромная ответственность: если переходы смазать, излишне сгладить, из спектакля может уйти главный нерв – игра. Общие черты всех мужских образов обозначены режиссером, и актеру даны все необходимые инструменты для его построения, исполнителю нужно только в них прорасти и закрепляться.

«Дунькино счастье». Театр драмы РК «Творческая мастерская».
Сцена из спектакля. Фото М. Никитина

Актеры обращают монологи в зал, каждый несет правду своего персонажа, надежду или обиду. Вроде некому сострадать, а все равно всех жаль. Зритель попадает на исповедь, в театр, в суд. Простой по форме спектакль раз от раза становится все слаженнее и энергичнее. В самом финале, когда Дунька торжествует на троне, собранном из разных стульев, как из обломков чужих судеб, над ее головой появляется видеопроекция «Слава матери». Не успевает зритель вспомнить про нерожденных детей и безрадостную жизнь Дунькиной матери, как над лозунгом в проекции возникает черная полоса из сплошной массы человеческих фигур, плотно прижатых друг к другу. Звук детского плача как бы завершает цикл повествования новым рождением, но прерывается залихватским пением Дуни, Банщика и Председательши: «Эх, яблочко, да куда котишься?». Фигуры видеопроекции растекаются черным грязевым потоком, который заливает и полностью смывает лозунг «Слава матери».

Нарратива в спектакле-представлении нет. Почти площадное по своей природе зрелище, в котором актеры увлекают и развлекают, ориентировано на очень широкую публику, без особой театральной подготовки и ожиданий. «Кто был ничем, тот станет всем», – в нашей истории этот мотив прикрывается гуманистическими лозунгами. Всегда есть Дунька и Банщик, которым кажется, что именно они достойны всего.

«Дунькино счастье». Театр драмы РК «Творческая мастерская».
Сцена из спектакля. Фото М. Никитина

Только совсем не обязательно, что они – из «глубинного народа», жажда перераспределения благ вовсе не связана с уровнем образования. Она появляется там, где человек отказывается от сострадания, когда все средства хороши и оправданны.

Спектакль может ожидать счастливая судьба, если актеры удержат баланс между гротеском торжества «пролетариата» и томлением Серебряного века, ясностью (яркостью) формы и исторической обусловленностью театрального текста.